

Культура насилия в Колумбии? (К постановке проблемы)

А. И. Донченко^{✉1}

¹ Благовещенский государственный педагогический университет,
675000, Россия, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104

Для цитирования:

Донченко, А. И.
(2020) Культура насилия
в Колумбии? (К постановке
проблемы). *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 2, № 2, с. 147–160.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-
2-147-160

Получена 16 марта 2020; прошла
рецензирование 29 апреля 2020;
принята 29 апреля 2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. При объяснении феномена политического насилия исследователи обычно делают акцент на общественно-экономических факторах данного явления. По мнению автора, пример Колумбии показывает, что указанный феномен повсеместного характера насилия в данной стране может быть объяснен прежде всего в контексте социально-культурной предрасположенности к насилию. Автор пытается выявить структурные причины и условия, при которых возникает такая культура. Предпринята попытка определить понятие культуры насилия, характерные и типичные ее формы и проявления в современной Колумбии. В целях проведения эвристического анализа проблемы автор предлагает выделить три структурных индикатора культуры насилия, которые должны помочь охарактеризовать данную культуру. К ним относятся: 1) повсеместность распространения насилия; 2) множественность коллективных насильственных субъектов и их рутинный образ действий и 3) частота и легкость, с которой происходит переход от «простых», рационально понятных актов насилия к насильственным эксцессам, вопиющее несоответствие между жестокостью средств и скромностью преследуемых целей. Отдельно в статье анализируются проявления крайних форм насилия, под которыми подразумеваются убийства массовые и заказные. Автор статьи приходит к выводу о том, что колумбийское общество в целом терпимо относится к подобного рода проявлениям насилия потому, что, во-первых, уверено хотя бы в частичной виновности самих жертв, и, во-вторых, потому, что при появлении малейшей возможности достижения мирного компромисса готово идти на широкую амнистию и забвение преступлений. Далее автор кратко останавливается на основных подходах и работах современных исследователей, пытающихся разобраться в проблеме. В итоге автор приходит к выводу, что масштабное насилие в Колумбии не может быть объяснено без учета социокультурных факторов, имеющих место в стране, а перспективы изживания указанной культуры или ее трансформации в более гуманистическом направлении вряд ли возможны в ближайшее время.

Ключевые слова: культура насилия, «вертикальное» и «горизонтальное» насилие, Колумбия, массовое сознание, толерантность.

A culture of violence in Colombia? (A first-time overview)

A. I. Donchenko^{✉1}

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University, 104 Lenin Str., Blagoveshchensk 675000, Russia

For citation:

Donchenko, A. I.
(2020) A culture of violence
in Colombia? (A first-time
overview). *Journal of Integrative
Cultural Studies*, vol. 2, no. 2,
pp. 147–160.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-
2-147-160

Received 16 March 2020;
reviewed 29 April 2020;
accepted 29 April 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. When explaining the phenomenon of political violence, researchers usually focus on the socio-economic factors of this phenomenon. According to the author, the evidence from Colombia shows that the reason for the widespread violence in the country lies, primarily, in the socio-cultural predisposition to violence. The author tries to identify structural causes and conditions under which such cultures emerge. The study attempts to define the concept of the culture of violence, its characteristic and typical forms and manifestations in modern Colombia. In order to conduct a heuristic analysis of the issue, the author proposes to identify three structural indicators of the culture of violence, which should help to characterize this phenomenon. They include: (1) the ubiquity of violence; (2) the multiplicity of collective violent actors and their routines; and (3) the frequency and ease with which the transition from “simple”, rationally understandable acts of violence to violent excesses occurs, and the glaring discrepancy between the brutality of the means and the modesty of the ends pursued. The article also analyzes the manifestations of extreme forms of violence, which include mass and contract killings. The author of the article concludes that the Colombian society as a whole tolerates this kind of violence because, firstly, it is confident in at least partial guilt of the victims themselves, and, secondly, because if there is the slightest possibility of reaching a peaceful compromise, it is ready to accept a wide amnesty and neglect of crimes. The author then briefly discusses the main approaches and works of modern researchers focusing on the same issue. As a result, the author concludes that large-scale violence in Colombia cannot be explained without taking into account the socio-cultural factors that take place in the country, and the prospects for the elimination of this culture or its transformation in a more humanistic direction are unlikely in the near future.

Keywords: culture of violence, “vertical” and “horizontal” violence, Colombia, mass consciousness, tolerance.

Предисловие

В современном мире Колумбия остается своего рода «заповедником массового и выборочного насилия». Помимо вялотекущей партизанской войны, которая длится вот уже более 60 лет, сюда добавляются настоящие войны между наркобаронами и иное криминальное насилие, государственные и негосударственные репрессии против политических, профсоюзных и общественных деятелей и пр. Надо отметить, что при обсуждении исходных причин этого насилия в большинстве случаев преобладают политико-экономические подходы. Перед читателями уже давно находятся интригующие фигуры главарей, которые без колебаний используют насилие в целях личного обогащения. Идет речь о «приватизации» насилия и появлении «рынков насилия», о «теневой глобализации»,

в которой видят главную движущую силу многих вооруженных конфликтов. Безусловно, никто не намеривается оспаривать оправданность всех этих утверждений. Конечно же, во всё более секуляризованном мире материальные мотивы социальных действий имеют всё более возрастающее значение, когда речь идет о применении насилия. И всё же остается вопрос, является ли стремление к экономической выгоде и власти само по себе достаточным объяснением феномена насилия.

Когда насильственные конфликты и преступления становятся постоянной характеристикой общества, есть много оснований предположить, что они укоренены в культуре этого общества. Для проверки этой гипотезы будет использован пример Колумбии. Есть по крайней мере две причины полагать, что Колумбия является подходящим испытательным случаем для доказательства существования культуры насилия.

Первая — это постоянно высокий уровень насилия в этой стране. Не в последнюю очередь благодаря активной политике безопасности, проводимой бывшим президентом страны Альваро Урибе, ежегодный уровень убийств с начала 1990-х годов заметно снизился и составил более 70 смертей на 100 000 жителей. Тем не менее он остается довольно высоким по международным меркам — более 50 смертей на 100 000 жителей (см., напр.: Sánchez, Alvarez 2004). Вторая причина выбора Колумбии состоит в том, что гипотеза о существовании культуры насилия и существование других, особенно материальных, мотивов для применения принуждения и насилия не обязательно являются взаимоисключающими. Все эксперты сходятся во мнении, что последний всплеск насилия в Колумбии, начавшийся в 1980-х годах, в значительной степени был связан с торговлей наркотиками (Richani 1997). Таким образом, можно утверждать, что если культура насилия может быть определена как дополнительный причинно-следственный фактор распространения насилия в Колумбии, где значимость экономических мотивов его распространения не вызывает сомнений, это будет серьезным основанием для утверждения о том, что такая культура насилия является важным фактором и в других насильственных конфликтах, где материальные интересы имеют меньшее значение.

Для получения достоверных результатов необходимо было бы провести сравнительный анализ опросов общественного мнения и провести обширный анализ колумбийских электронных СМИ, газет и журналов. Скажем честно, у автора нет ни времени, ни средств для этого. Поэтому то, что предлагается ниже, — это просто несколько предварительных идей и выводов, которые могут помочь начать разработку этой темы, которая до сих пор была мало исследована. При этом в дополнение к своим собственным наблюдениям и опыту он опирается на чтение некоторых работ (в основном колумбийских) исследователей, которые десятилетиями занимались проблемой насилия в Колумбии и поэтому гораздо лучше знакомы с основополагающими нормами, табу и невысказанными предположениями, чем это возможно для «стороннего» наблюдателя.

Когда мы говорим о культуре насилия в некоей стране, мы должны прежде всего прояснить, что мы подразумеваем под этим термином. Поэтому данная статья начинается с рассмотрения вопроса о том, можно ли и как можно определить концепцию «культуры насилия в обществе».

Далее следует исследование некоторых эмпирических данных, свидетельствующих о том, что элементы культуры насилия действительно существуют в Колумбии.

Наконец, более подробно рассматриваются две крайние формы насилия — массовые убийства и убийства по найму. За этим следует попытка выявить некоторые структурные условия, в результате которых возникает культура насилия. Краткий комментарий, оценивающий важность культурных факторов в контексте других факторов, объясняющих насилие, завершает данную статью.

Краткий вывод заключается в том, что, хотя культура насилия играет важную роль в качестве основополагающего условия для наблюдаемых в настоящее время проявлений насилия, она также является феноменом, который сам по себе зависит от исторических и социальных факторов.

О понятии «культура насилия»

Грубо говоря, мы можем использовать относительно широкое понятие «культура насилия» или такое, которое сводится к его основному содержанию. В более широком смысле культура насилия включает в себя все социокультурные структуры и символы, которые связаны с насилием, порождаются им и увековечивают его.

Очевидно, что в такой стране, как Колумбия, с историей гражданских войн и насилия, которая насчитывает примерно 150 лет, почти каждый аспект существования людей был так или иначе затронут им. Это основная идея исследования Даниэля Пеко, который утверждает, что насилие породила своеобразная колумбийская Система Порядка (Pécaut 1987). В дополнение к многочисленным незаконным насильственным акторам, противодействующим в сфере законности силам государственной безопасности и легальным частным охранным службам, эта Система включает в себя весьма сложную сеть коалиций и конфронтации между этими субъектами, наряду с бесконечными переговорами о пактах и компромиссах (часто только ограниченной продолжительности с самого начала или позже нарушаемой). Она также включает в себя рыночный порядок, искаженный давлением и принуждением, и правовую систему, лишенную ее принудительного исполнения.

Д. Пеко говорит о том, что насилие и принуждение теперь являются фиксированными компонентами социального и политического механизма Колумбии и больше не могут быть просто так удалены из него (Pécaut 2001, 91). Это означает, что наряду со всеми социальными

подсистемами насилия постоянно воспроизводятся в стране.

Такое широкое понимание концепции культуры насилия не очень продуктивно, поскольку в основном сводится к тривиальному утверждению о том, что насилие и принуждение, будучи постоянно используемыми средствами, создали собственную социальную и институциональную среду, которая и дальше поддерживает их существование. Более интересным и менее тавтологичным представляется вопрос о том, способствуют ли сохранению насилия специфические факторы коллективного сознания, такие как определенные представления о ценностях и нормах, общее представление о том, что является желательным, ценным и нормативно приемлемым. При этом принимаются во внимание преобладающие представления о ценностях и нормах, с одной стороны, и общепринятые привычные способы поведения, которые они порождают, с другой. Если мы сосредоточимся на проблеме таким образом, то нам сразу же придется добавить два кратких объяснения, которые помогут нам прийти к более реалистичному выводу.

Прежде всего, «субкультуры насилия» должны быть отделены от общепринятой культуры насилия в обществе. Насильственные субкультуры, которые отходят от господствующего в обществе консенсуса в отношении норм и ценностей, существуют во всем мире. Особое развитие они получили (и, соответственно, привлекли внимание исследователей) в современных индустриальных обществах, таких как Соединенные Штаты (см., напр.: Albrecht 2003; Kühnel 2003). Эти субкультуры, как правило, ограничены определенными районами городов и встречаются среди подростков из бедных слоев населения, страт с ограниченными возможностями социального развития и успеха. Это приводит их к принятию позиции сопротивления и протеста против общества в целом и особенно против средних и высших классов. Быстрое, спонтанное обращение к насилию как средству принуждения в этих субкультурных образованиях не в последнюю очередь является выражением этого протеста и дистанцирования от сложившегося общества. Такой подход предполагает существование в основном обширного ненасильственного пространства, в котором и происходит образование «субкультур» насилия, никоим образом не являющихся репрезентативными для общества в целом.

Однако принципиально иное дело — выдвинуть гипотезу о том, что в обществе в целом существует широкое признание насильственных

методов разрешения конфликтов. В отличие от субкультур, ориентированных на насилие, в которых ссылки на принуждение и насилие часто создают чувство идентичности, современные общества как субъекты практически никогда не придерживаются базовых взглядов, которые оправдывали бы насилие или поощряли его.

На это есть две причины. Во-первых, в современных странах предполагается, что государство обладает монополией на применение насилия. Если на самом деле государство не смогло монополизировать насилие, это обстоятельство преуменьшается и представляется как временное положение дел, которое можно разрешить в будущем. В этой идее содержится небезосновательное утверждение о том, что для современных обществ, основанных на разделении властей и функций, произвольное применение насилия индивидами или организованными группами есть только маргинальное явление, с которым общество рано или поздно справится. Если «война всех против всех» в гоббсовском смысле этого слова была препятствием для функционирования уже даже первобытных обществ, то в дальнейшем последовательная реализация этого принципа поставила бы развитые общества на грань краха.

Вторая причина, по которой политические и социальные представители современных обществ будут неохотно признавать, что бесконтрольное применение насилия гражданами является в их странах нормой, связана с действующими международными правилами политкорректности. НПО, которые специализируются на мониторинге случаев нарушений прав человека, теперь взяли на себя функцию своего рода международного «сторожевого пса» и механизма контроля. В этих обстоятельствах, если представители или средства массовой информации той или иной страны будут слишком часто говорить о насилии как обычном средстве принуждения, это будет равносильно самоубийству данной нации. Их откровенность будет наказана, а страна, о которой идет речь, и ее представители будут заклеены позором и отодвинуты на задворки международного сообщества.

Мы же говорим о том, что в отличие от насильственных субкультур, где насильственные практики не принимаются обществом в целом, в том случае, если общество их поощряет, мы не должны ожидать какого-либо открытого признания или прямого оправдания таких практик. Вместо этого, чтобы отследить такие паттерны принятия или нормативно одобренную

склонность к применению насилия, нам придется искать косвенные или скрытые признаки. Зачастую факты насилия красноречиво говорят сами за себя. Чтобы выяснить, как они поддерживаются и укореняются в культуре, мы настоятельно рекомендуем обращать меньше внимания на утверждения, которые непосредственно относятся к принуждению и насилию, а больше — на изучение концептуальных и идеологических установок, в которых они совершаются.

Существует общий социологический аргумент, поддерживающий этот более опосредованный подход. Исследователи социологических систем довольно рано осознали, что основные ценностные основания функционирования общества и нормотворческие ориентации отнюдь не подчеркиваются постоянно. Скорее, они имеют тенденцию упоминаться мимоходом именно потому, что они выглядят как бесспорные истины. Неслучайно Толкотт Парсонс, самый известный теоретик систем 1950-х и 1960-х годов, описал стратегию поддержания социальной ценностной базы как «латентное поддержание паттерна» (Parsons 1951, 26). Он имел в виду, что ценности оказывают наибольшее влияние, если они остаются скрытыми и принимаются безоговорочно и негласно. Если они обсуждаются или прямо утверждаются и признаются в обществе, то, как правило, это не является доказательством того, что общество остро осознает свои ценности, а скорее свидетельствует о неуверенности и кризисе ценностей.

Что же касается проблемы культуры насилия в колумбийском обществе в целом, то, вероятно, было бы бесполезно искать ясные, позитивные доказательства существования в нем осознанного консенсуса о возможности и допустимости прибегать к насилию с какой бы то ни было целью. В лучшем случае можно ожидать молчаливой терпимости к принудительным методам. Еще раз подчеркнем, что косвенные показатели, касающиеся темы насилия, могут быть не менее полезными, чем показатели, непосредственно относящиеся к насилию.

Индикаторы культуры насилия

Мы можем выделить три типа индикаторов, которые указывают на культуру насилия. Это структурные индикаторы, вытекающие из характера насилия в Колумбии (частота, интенсивность и т. д.); психические индикаторы, свидетельствующие о наличии широко распространенной склонности к насилию; наконец,

отсутствие табу и запретительных правил, ограничивающих применение насилия.

Среди структурных факторов, касающихся самого насилия, мы должны, прежде всего, упомянуть его повсеместное распространение в указанной стране. Вряд ли найдется хоть одна сфера общественной жизни, географический район или группа, которая была бы избавлена от него на более или менее длительный период. Будь то город или отдаленные сельские районы, социальная микросфера семьи или макросфера политики, низший, средний или высший класс, судебная система или любой бизнес-сектор, насилие царит повсюду. Конечно, это происходит в разных эскалационных последовательностях и формах. Однако было бы неверно делать вывод о том, что различные формы насилия основаны на различных причинно-следственных связях. Наоборот, если люди прибегают к физическому принуждению во всех мыслимых сферах жизни для достижения всех возможных целей, то очевидным выводом является то, что они должны иметь общую предрасположенность, которая порождает этот стандартный подход. И разве возникла бы такая всепроникающая глубинная предрасположенность, если бы она не была обусловлена поведенческими паттернами, которые в конечном счете определяются существующей культурой?¹

Есть еще одно обстоятельство, которое говорит о том, что, действительно, существует склонность к насилию, которая социокультурно закреплена в самом широком смысле этого слова, — это множественность коллективных насильственных субъектов и их рутинный образ действий. Конечно, можно встретить группы, которые узурпируют закон и убивают людей по своему желанию и в других латиноамериканских странах. Но поразительным в Колумбии является то, что множество организаций и группировок действуют вне закона и используют принуждение и насилие для достижения своих целей: «...в Колумбии примечательна необычайная пестрота насилия» (Sánchez 2001, 10). При этом они, как правило, действуют весьма хладнокровно и профессионально. Этот профессионализм отчасти является результатом взаимного подражания и процесса обучения. В любом случае развитие широкого спектра методов насилия, основанных на личном опыте или заимствованных у других, предполагает социокультурную среду, которая не стигматизирует

¹ Единственной альтернативой такому подходу была бы антропологическая гипотеза о том, что колумбиец имеет некую врожденную склонность к насилию, что, наверное, надо признать совершенно ненаучным взглядом на вещи.

несанкционированное применение насилия, но принимает его как один из нескольких способов достижения уважения и успеха.

В качестве важнейшего структурного показателя вероятного существования культуры насилия следует отметить частоту и легкость, с которой в стране происходит переход от «простых», рационально понятных актов насилия к насильственным эксцессам. Крайние формы насилия и их социокультурное значение рассматриваются в отдельном разделе ниже. Здесь достаточно будет заметить, что вопиющее несоответствие между жестокостью средств и скромностью преследуемых целей, наряду с пытками, увечьями трупов и т. п., является отнюдь не исключительным делом в этой стране, а повседневным феноменом. Такие эксцессы, которые в отдельных случаях могут перерасти в оргии насилия, возможны только в обществах, в которых табу, ограничение несанкционированного применения насилия не только было нарушено, но в некоторых социальных группах и секторах было практически устранено и заменено культом уничтожения врага.

Уничтожение врага — это сигнал для перехода ко второму комплексу индикаторов, способу закрепления в коллективном сознании паттернов мышления и эмоциональных концепций, способствующих насилию: прежде всего дихотомии «друг — враг», которая занимает центральное место в колумбийском мире во всех социальных слоях.

Первоначально связанное с соперничеством между двумя традиционными политическими партиями, консерваторами и либералами, мышление в терминах «друг — враг» стало ныне само собой разумеющимся и пронизывает весь социальный дискурс на всех социальных уровнях. Нет ни одного городского округа, района или деревни, где не было бы зачатой вражды между двумя или тремя главными действующими субъектами, будь то отдельные лица, семейные кланы или организованные группы, которые формируют жизнь общества и вынуждают остальных действующих лиц принимать чью-либо сторону и подчиняться. Даже в новых поселениях, основанных внутренними беженцами вдали от главных очагов гражданской войны, почти автоматически воспроизводится прежняя схема разделения, что в скором времени приводит к конфронтации. Например, разные районы на окраинах Боготы представляют собой микрокосм, который точно отражает конфликтную ситуацию, характерную для всей страны.

По словам Гонсало Санчеса, в Колумбии существует историческая преемственность, в которой культивируется вражда, и постоянно ведутся войны, и этого самого по себе достаточно для утверждения культуры насилия. Массовые убийства, похищения, распространение списков жертв до совершения фактического акта насилия, а также ключевая роль, которую играют информаторы, — это не новые явления, порожденные самой последней волной насилия, а модели поведения и ролевые модели, которые можно проследить в далеком колумбийском прошлом. И что примечательно, так это то, что всё это почти без изменений пережило переход от преимущественно сельской к высоко урбанизированной общественной структуре и связанную с этим радикальную трансформацию ценностей от глубоко религиозного в прошлом к в значительной степени секуляризованному ныне обществу. Это может быть объяснено только тем, что данные модели глубоко запечатлены в культурной памяти колумбийцев (Sánchez 2003).

Модель «друг — враг» как образец восприятия часто перекрывается квазиморальным дискурсом о чести и необходимости отомстить по принципу «око за око». «Многие молодые люди не могут забыть, что они потеряли своих отцов в результате произвольного акта насилия. Даже если они не знают убийц, воспоминание об этом преступлении хранится в их памяти и наполняет их тупой, бесцельной ненавистью, которая может выплеснуться наугад. Убийство кого-либо из-за оскорбления чести считается не только законным, но и необходимым в некоторых группах и кругах, если человек хочет избежать угрозы потери своей репутации» (Uribe 1992, 54).

Еще одним следствием разделения социального окружения на друзей и врагов является тенденция быть нетерпимым, мыслить категориями «черного» и «белого», презирать нюансы и компромиссы. С одной стороны, это побуждает людей искать решение проблем в прямой конфронтации с оппонентом, то есть отказываться от внешнего посредничества, будь то арбитр или суд. С другой стороны, это бросает сомнительный свет на всех тех, кто не может или не хочет однозначно встать на сторону той или иной партии.

Как однажды сказал бандит, у которого брала интервью В. Урибе: «Я хотел бы иметь два сердца, одно — для хороших людей, а другое — для плохих». На вопрос о том, кто же такие «плохие», он ответил: «Те, кто не преследует своих врагов. Они опасные предатели»

(Uribe 1992, 25). Предатель, предполагаемый или фактический информатор («саро», шпик) и коллаборационист — это устоявшиеся фигуры в сфере коллективного воображения, и они непосредственно связаны с жесткой оппозицией «друг — враг». Зловещий аспект социальных процессов навешивания ярлыков, порождаемых этими фигурами, заключается в том, что они протекают в значительной степени неконтролируемым и произвольным образом, так что любой посторонний человек рискует получить один из этих ярлыков, который может стоить ему или ей жизни.

Другой тип поведения, способствующий произвольному применению насилия, — это широко распространенный в Колумбии культ мачо, с которым тесно связана терпимость к безжалостному индивидуализму, не допускающему никаких исключений в мерах принуждения. Урибе лично наблюдала это удивительное почтение к властному, жестокому, особенно характерное для сельских районов, когда посещала кладбища на юге Колумбии. Она обнаружила, что особое почтение там оказывают людям, которые при жизни приобрели репутацию жестоких мясников и бесчеловечных существ (Uribe 2004). Кстати, в исследованиях, посвященных эпохе «виоленсии», также отмечается, что главари банд и партизан, совершавшие неоднократные убийства, не только внушали страх и ужас крестьянам, но и вызывали восхищение у местных жителей (Sánchez, Meertens 1983).

Современная версия самоуверенного мачо, который не выказывает никаких угрызений совести, когда прокладывает себе путь наверх, — это пронырливые бизнесмены или кто-то вроде Пабло Эскобара, который вышел из самых низов и преуспел до такой степени, что стал главой известного (печально известного) наркокартеля и обрел популярность среди широкой публики не в последнюю очередь благодаря своим щедрым пожертвованиям. В конце концов, его судьба была предопределена не столько масштабами применяемого им насилия, что, конечно, вело к многочисленным человеческим жертвам, сколько тем фактом, что у него появились непомерные амбиции, и он планировал завершить свою, по сути, криминальную карьеру, легально баллотировавшись в парламент.

В целом при чтении соответствующей литературы в поисках мотивов и установок, стимулирующих насилие, создается впечатление, что широкие слои колумбийского общества мало заботятся и о жизни, и о смерти: «...lo que menos cuenta, desde luego, es la vida...» («вот уж что

ценится менее всего, так это жизнь») (Uribe 1992, 94). Существует множество свидетельств того, что люди очень мало ценят жизнь других (а иногда и свою собственную). Возьмем, к примеру, небольшие суммы, за которые наемные убийцы готовы убить любого чужака, частые массовые убийства, похищения, нередко заканчивающиеся смертью похищенного, и т. п. Тот факт, что убийство является наиболее распространенной причиной смерти среди молодых людей Колумбии в возрасте от 15 до 35 лет, говорит о многом. Однако это пренебрежение к жизни определенным образом распространяется и на смерть. Только этим можно объяснить, почему в период «виоленсии» увечья и осквернения трупов не были чем-то необычным или почему после массовых убийств мертвых часто оставляли лежать на земле или хоронили наспех в яме, то есть без какого-либо погребального обряда. Сегодня, когда наемным убийцам известно, что после их смерти не должно быть ни плача, ни похоронной службы, но что их друзья и родственники должны отметить это событие, устроив вечеринку с музыкой, танцами и алкоголем, это также отражает банализацию смерти (Prieto Osorno 1993).

Еще одним фактором, способствующим распространению культуры насилия, является отсутствие ограничительных табу и неформальных санкций против несанкционированного применения насилия. Этот порок проявляется в Колумбии в том, как трактуется тема насилия, как в целом в общественных дискуссиях, так и по отношению к конкретным индивидуумам.

Во-первых, что касается общей дискуссии в обществе и особенно в средствах массовой информации, бросается в глаза отсутствие систематических усилий по критике и делегитимизации незаконного применения насилия. Наверное, это можно объяснить реакцией усталости на бесконечную череду ограблений, похищений и убийств, и это может отражать также определенную покорность неизбежному. Так или иначе, фактом является то, что средства массовой информации принимают критический тон только в исключительных случаях, при совершении особо жестоких или зрелищных актов насилия. Они уделяют больше внимания описанию конфликта, чем самому применению насилия. Они предостерегают от возможной дальнейшей эскалации и поляризации, говорят о возросшей готовности к переговорам и компромиссам со всех сторон и выражают общее стремление к миру, призывая к прекращению военных действий. Однако они вряд ли подвергают сомнению применение насилия как

такового, которое является способом, которым решается конфликт.

Соответственно, отсюда проистекают два следствия. Поскольку об актах насилия сообщается только обычным тоном, не проводится никакого публичного обсуждения того, в какой степени они могут считаться справедливыми или несправедливыми, смелыми или трусливыми, законными или незаконными. Соблюдались ли определенные минимальные правила ведения боевых действий, было ли насилие направлено против невиновных людей или участников конфликта, нападали ли на людей открыто или стреляли в спину — всё это, похоже, никому не интересно (Sánchez 2003). Единственное, что имеет значение, — это исход сражения: кто победил, кто является победителем в зоне, кто должен ее освободить...

Второе следствие состоит в том, что сосредоточение внимания на переговорах и возможном мирном соглашении приводит к тому, что прошлые несправедливости в значительной степени замалчиваются и преуменьшаются (Sánchez 2003). Так или иначе, эскалация незаконных актов насилия и быстрое их забвение — это две стороны одной медали. Там, где вся надежда направлена на скорейшее прекращение насильственного конфликта, остается мало места для пересмотра, анализа и искупления прошлых преступлений. Естественно, отказ от карательного правосудия сопряжен с риском того, что некоторое время спустя жестокое чудовище, которое было убаюкано мирным соглашением, но ни в коем случае не лишено своих смертоносных когтей, пробудится и начнет действовать вновь.

Эти общие замечания также в значительной степени применимы и к тому, как карьера отдельных участников насилия рассматривается с точки зрения широкой общественности. В этом случае в общественном мнении Колумбии тоже важен прежде всего результат, очевидный успех, а не путь, сомнительные средства, которые привели к нему. То, что кто-то заказал или совершил убийство, вовсе необязательно оказывается помехой для карьеры в политике или в какой-то иной сфере. Правда, уголовное законодательство Колумбии, конечно же, гласит, что убийство должно быть наказано, но судебная власть страны коррумпирована. Даже в том маловероятном случае, если приговор и будет вынесен, высока вероятность того, что все закончится помилованием (Rubio 1999).

Поэтому наши рассуждения на данный момент можно резюмировать следующим образом: не санкционированное применение насилия

в Колумбии не побуждает ни к выяснению истины, ни к осуждению со стороны общественности. В принципе, никакого публичного дискурса о насилии в стране нет. Люди, как правило, знают о нем, прежде всего потому, что оно совершается постоянно и нередко в чрезмерных формах. Это, в свою очередь, возможно только благодаря широко распространенной молчаливой терпимости и принятию самого факта использования физической силы для решения частных и общественных проблем — ситуация, которую, вне всякого сомнения, можно описать как культуру насилия. Она основана на ментальных стереотипах и моделях, которые стимулируют агрессию и несанкционированное принуждение, с одной стороны, и на отсутствии табу и неформальных норм, которые препятствуют или ограничивают насилие, с другой.

Крайние формы проявления насилия: массовые убийства и заказные убийства

Эти две формы насилия отличаются друг от друга по своему исполнению и целям, которым они служат. Массовые убийства сеют ужас и являются формой демонстрации силы, в то время как заказные убийства предлагают насилие в качестве услуги на продажу. Однако, как станет видно далее, они имеют и ряд общих черт, наиболее важной из которых является та, что они представляют собой крайние формы. Они были выбраны, исходя из предположения, что крайности и эксцессы определенно сообщают нечто о нормальном бытовании соответствующих обществ и установках среднего гражданина². Далее дается краткое описание каждой из этих двух форм насилия, а затем анализируются их общие структурные особенности и их значение в более широком социальном контексте.

Акты насилия, в результате которых погибают более 4 человек, называются массовыми убийствами (см. подробнее: Uribe, Vásquez 1995; Uribe 1992; 2004). Погибшие могут быть семьей,

² Можно выдвинуть три аргумента в обосновании этой гипотезы. Во-первых, те, кто совершает эксцессы, не являются социальными девиантами, а представляют средний тип, по крайней мере в определенных социальных группах и классах. Во-вторых, они действуют не изолированно, а, как мы увидим, встроены в более широкий контекст социального планирования и организации. И, в-третьих, относительно спокойная реакция широкой общественности на преступления позволяет им считать такое поведение и образ жизни если и не одобренными, то, по крайней мере, в конечном счете вполне приемлемыми.

молодежной группой или даже целой деревней. Иногда число жертв может достигать нескольких сотен. Во времена «виоленсии» Колумбия уже была ареной многочисленных массовых убийств, совершенных самыми разными группами. Эта ужасающая практика была возрождена и в ходе последней волны насилия. В частности, ультраправые военизированные формирования имеют прочную репутацию главных сеятелей страха и террора посредством выборочных убийств. Урибе насчитала в общей сложности 1230 массовых убийств в период с 1980 по 1998 год. Она проводит различие между массовыми убийствами с экономическими, социальными и политическими целями. Но независимо от конкретной цели факт остается фактом: массовые убийства — это, прежде всего, крайняя демонстрация силы посредством насилия.

Массовые убийства часто происходят по единому сценарию (Uribe 2004). Они не обрушиваются на ничего не подозревающих жертв ни с того ни с сего, но объявляют о себе или объявляются через смутные слухи, угрозы и предупреждения заранее. Коллективный акт насилия часто происходит вечером, когда жители фермы, нескольких домов или деревни пребывают за ужином или когда занимаются какой-либо общественной деятельностью. Нередко нападающие носят униформу, и они всегда хорошо вооружены. В сельской местности целевая группа домов зачастую окружается таким образом, чтобы никто не смог убежать. Затем всех жильцов выводят на центральную площадь и зачитывают список имен, предоставленный информаторами. Обвиняемых, как правило мужчин, выделяют и уводят в другое место. Выстрелы и крики сигнализируют оставшимся жителям деревни о том, что этих людей убивают. Когда нападавшие скрываются, а оставшиеся в живых добираются до места совершения убийства, их ждет груда безжизненных, часто сильно изуродованных трупов. В отдаленных и изолированных поселениях могут пройти дни, прежде чем соседи заметят, что произошло массовое убийство.

В дополнение к этому «обычному» шаблону существуют варианты, предполагающие еще большую жестокость. Иногда убийцы не торопятся и мучают жертвы, прежде чем убить их. Хотя женщин и детей обычно щадят, есть случаи изнасилования женщин и убийства детей, чтобы предотвратить возможность мести (когда последние вырастут). Во времена «виоленсии» было принято резать мертвых на куски, как за-

битых животных, или калечить и уродовать их квазиритуальным способом (Uribe 2004).

С другой стороны, насилие наемных убийц обычно принимает форму убийств отдельных лиц, а не крупномасштабной бойни. В городах на жертвы, как правило, нападают с огнестрельным оружием с заднего сидения мотоцикла (более подробно об этом см.: Prieto Osorno 1993; Sánchez 2001). Убийца, сидящий позади водителя, целится в голову жертвы, потому что он может быть уверен в получении заработанных денег только в том случае, если жертва умрет мгновенно. Наемные убийцы — это, как правило, молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет, работающие в группах и специализирующиеся на заказных убийствах. Институт заказных убийств возник в Медельине, но теперь он распространен в большинстве колумбийских городов. Однако банды молодых людей, которые занимаются этим криминальным бизнесом, являются лишь инструментами в руках людей, находящихся за кулисами, которые организуют и координируют все их действия. Это могут быть отдельные лица, но зачастую за нападениями стоят агентства. Агентства эти — которые маскируются в большей или меньшей степени в зависимости от их места расположения и социальной принадлежности — действуют как посредники между «клиентами» и исполнителями, которые выполняют их смертоносные желания. Они заключают договор об убийстве, устанавливают плату (обычно заранее) в соответствии с ожидаемыми трудностями (например, если кто-то находится под усиленной охраной) и определяют среди банд конкретных молодых убийц, кто лучше всего подходит для совершения данного преступления. Каждый наемный убийца мечтает быть нанятым для «серьезного дела», которое позволило бы ему и его семье жить без особых забот о будущем. Однако его жалование составляет лишь малую толику от суммы, уплаченной за заказное убийство. Львиная доля достается посредникам и людям за кулисами, которые готовят данное убийство и обеспечивают его беспрепятственное исполнение. Хотя наемные убийцы готовы совершить любой насильственный акт за деньги, их и формируемую ими субкультуру нельзя назвать сугубо меркантильной в узком смысле этого слова. Эта субкультура включает в себя свой собственный язык, любовь к определенным видам кино и рок-музыки, танцы, потребление наркотиков, черный юмор и ярко выраженный мачизм, включающий в себя культ оружия и мотоциклов. Наемные убийцы не отвергают идею преданности и семейные связи. Они по-

читают Деву Марию и часто боготворят своих собственных матерей. Они также заводят верных друзей. Их жизненная философия сочетает в себе гедонизм с абсолютным бесстрашием в любой его форме.

Хотя массовые и заказные убийства могут сильно различаться по своему исполнению и целям, они имеют несколько общих определяющих черт: 1) и то, и другое — это организованные мероприятия, предполагающие высокую степень планирования, подготовки и координации действий. Инициативы отдельного человека или горстки людей обычно недостаточно. Скорее, для проведения операций такого рода требуется сотрудничество более крупной группы, команды; 2) это также отражается на хладнокровии и профессионализме, с которыми совершаются убийства жертв. Мольбы о пощаде или милосердии остаются без ответа. В лучшем случае они вызывают презрительное непонимание. Это указывает на то, что действительному акту убийства предшествует мысленная дегуманизация жертв, которые до того, как их убьют, уже не считаются людьми (см.: Uribe 2004. Автор особо подчеркивает этот момент).

Таким образом, преступники и стоящие за ними люди пренебрегают всеми гуманитарными критериями современного общества. Они живут в своего рода замкнутом мире, который отказался от общепринятых ценностей цивилизованного мира, фундаментальную основу которых составляет уважение к физической целостности другого, сострадание и элементарная социальная солидарность. Пренебрежение к жизни других людей также отражается в структуре актов насилия, переживаемых жертвами. Особенно бросается в глаза одна особенность: средства зачастую явно несоразмерны целям. Это очень хорошо видно на примере массовых убийств, когда одного лишь подозрения в том, что какая-то социальная группа или деревня сотрудничает с противоборствующей стороной, достаточно, чтобы без разбора расстрелять всех жителей того или иного населенного пункта. В случае с заказными убийствами диспропорция основана на том факте, что человеческая жизнь стала просто товаром. И у каждой своя цена. Возможность купить смерть любого человека значительно расширила круг потенциальных инициаторов насилия. Если кто-то хочет убить другого человека, ему не нужно преодолевать запреты, которые мешают большинству людей совершать акты насилия самостоятельно. Он или она просто должны нанять обычного убийцу, который даже не требует объяснения мотива для убийства.

Как массовые убийства, так и создание агентств по убийствам являются крайними случаями применения насилия в конкретных целях, в первом случае для демонстрации и утверждения власти, во втором — для получения материальной выгоды. Однако в то же самое время они превосходят эти цели, подрывая их в процессе исполнения. Какой урок должно извлечь население департамента или региона, когда целые деревни уничтожаются под предлогом сотрудничества с одной из воюющих сторон? И какова подходящая цена за акт насилия, направленного на то, чтобы застрелить ничего не подозревающего человека на улице? Во многих случаях насилие явно отделяется от своей цели и становится самоцелью. Массовые убийства по большей части являются кровавыми ритуальными жертвоприношениями без какой-либо последующей символической выгоды, посредством которых убийцы прославляют себя и свои злодеяния. То же самое и в случае с вечеринками, которые банда наемных убийц проводит, дабы отметить завершение «успешного дела». Здесь тоже только поверхностное почитание жизни и ее удовольствий, в то время как основной лейтмотив — культ смерти и смутное осознание собственной смертности.

Последняя общая черта массовых убийств и заказных убийств, оплачиваемых по контракту, — это возраст исполнителей. В обоих случаях убийцы — это в основном молодые люди из низших слоев общества в возрасте от 15 до 35, которым трудно найти постоянную работу или которые просто предпочитают зарабатывать на жизнь насилием. Однако эту общую черту не следует переоценивать. Ведь молодые люди в каждом конкретном случае являются лишь последним звеном в цепи посредников и спонсоров, некоторые из которых принадлежат к совершенно разным социальным слоям. Организованный характер обеих крайних форм насилия означает, что каждая из них интегрирована в обширные социальные сети. Поэтому недостаточно привлечь к ответственности «ополченцев» и наемных убийц, которые фактически выполняют насильственную работу, прежде всего, за бесчеловечные акты насилия. Они являются лишь наиболее заметными представителями множества различных групп и организаций, которые поддерживают, прикрывают, а в некоторых случаях и финансируют эти практики, поскольку получают от них ту или иную выгоду. Гораздо более трудный вопрос заключается в том, одобряет ли, и в какой степени, широкая общественность — люди с улицы и средства массовой информации — эти чрез-

мерные формы насилия. Почему нет публично-го разоблачения агентств по убийствам, когда местонахождение их штаб-квартир общеизвестно? Почему попытки полувоенных формирований, которые, как известно, несут ответственность за большую часть массовых убийств, стать авторитетными и получить признание в качестве законной политической силы, не встречают большого протеста?³ На эти вопросы трудно ответить. С одной стороны, такие популярные в Колумбии присловья, как «*por algo sera*» («значит, было за что»), другими словами, «ни за что не убивают») или «*el que la debe la paga*» («по долгам надо платить»), совсем уж по-русски: «долг платежом красен»), указывают на очень широкую общую терпимость даже к ужасным и очевидно несправедливым актам насилия. С другой стороны, в Колумбии всегда существовали группы людей, которые настаивали на соблюдении норм международного гуманитарного права, и разного рода ассоциации жертв неоднократно призывали к наказанию виновных. Однако в общей атмосфере недоверия и запугивания не следует возлагать слишком большие надежды на готовность населения к мобилизации и протестам по этому поводу. В некоторой степени общественное мнение, вероятно, колеблется в зависимости от событий и политической конъюнктуры. Зрелищные убийства или серия циничных расправ вызывают возмущение и направляют гнев людей на виновных. Однако если последние сигнализируют о готовности к компромиссу и появляются признаки возможности прекращения конфликта, большинство людей готовы отмахнуться от прошлых преступлений против человечности, чтобы прийти к полюбовному, мирному решению проблемы.

Попытки объяснения проблемы

О причинах насилия и возможной культуре насилия в Колумбии говорилось и говорится много, много было и написано. Поэтому далее мы ограничимся кратким изложением наиболее важных объясняющих факторов, игнорируя культурные переменные, дабы избежать логического круга в аргументации.

Прежде всего отметим, что в качестве одной из главных причин того, что в Колумбии насилие выходит из-под контроля, называется отсутствие

³Кстати, сейчас сами эти военизированные формирования, в свою очередь, жалуются на то, что государство, которое их создало и поддерживало, больше не хочет иметь с ними ничего общего. Государственная надобность в них отпала. Правда, осталась частная заинтересованность...

государственной монополии на применение насилия. С. Куртенбах утверждает (Kurtenbach 1999), что колумбийское государство не обладает монополией ни на насилие, ни на налоги. Некоторые исследователи говорят о том, что государство отказалось от этой монополии только в последнее время. Однако при этом упускается из виду тот факт, что с самого момента основания государства Колумбия политические элиты страны не только не смогли обеспечить себе единоличную власть над физическими средствами применения силы, но даже не пытались всерьез установить эту монополию. Роль центрального государственного аппарата в деле обеспечения правопорядка и безопасности остается весьма скромной. Очевидно, что руководители государства просто избегали расходов на содержание более сильных вооруженных сил, предпочитая вместо этого вести конфликты с помощью специальных формирований, набираемых на добровольной основе. Кстати, рассматривая более раннюю европейскую историю, мы видим, что борьба за устранение влияния разного рода региональных князей обычно приводила к возрастающей концентрации военной и политической власти, пока, наконец, вся сила не оказалась сосредоточенной в одном институте — государстве. Напротив, региональные конфликты в Колумбии, которых было немало в ее истории, всегда заканчивались соглашением, компромиссом, который оставлял незатронутыми существующие децентрализованные структуры. Примечательно также, что, в отличие от религиозных войн XVI века в Европе, гражданские войны XIX века в Колумбии, которые, по крайней мере в плане риторики, безусловно, были сопоставимы с вышеуказанными, не приводили к появлению хотя бы внешне беспристрастной силы, стоящей на страже общих интересов. Колумбийское государство и его силы безопасности всегда были вовлечены в конфликты и часто были особенно жестокими. Всё это привело к увековечиванию и закреплению дихотомии «друг — враг» до такой степени, что она в итоге стала общей ментальной установкой всех классов общества. Подводя итог, можно сказать, что колумбийское государство, безусловно, присутствует в общественном сознании как некое интеллектуальное и физическое образование, но оно воспринимается как государство слабое, неспособное обеспечить соблюдение законов, которые само же принимает, и неспособное призвать к порядку и дисциплине своих собственных должностных лиц и граждан. И хотя оно и может установить определенный общественный порядок, его власти

недостаточно, чтобы гарантировать общественную безопасность, которая, как говорил Т. Гоббс, является самым важным благом для всех.

Основной движущей силой политической системы Колумбии по-прежнему остаются две традиционные политические партии — консерваторы и либералы. Собственно говоря, доминирующей осью конфликта в этой стране является «горизонтальная» (конфликт между политическими партиями, между вооруженными субъектами, такими как партизанские организации и ультраправые военизированные объединения и пр.) в отличие от «вертикальной» — отношений между государством и его гражданами. Недавно были опубликованы некоторые интересные результаты анализа различных последствий горизонтальных, «симметричных» насильственных конфликтов и вертикальных, «асимметричных» конфликтных констелляций. Об этом очень интересно рассказывает Иван Ороско Абад (Orozco Abad 2005)⁴. Он пишет, что картина значительно яснее в случае вертикального злоупотребления властью, вертикальных «варварств», как он выразился, обычно совершаемых авторитарными или тоталитарными государствами, чем в случае «варварств», совершаемых в контексте горизонтальных конфликтов, например во время гражданских войн. Это относится, во-первых, к масштабам групп, вовлеченных в злоупотребление насилием, которые в случае насильственных эксцессов, совершенных государством, как правило, ограничены, во-вторых, к дифференциации ролей между исполнителем и жертвой, которые в данном случае четко разделены, и, в-третьих, к продолжительности насильственных процессов такого рода, которые ограничены во времени. В случае горизонтальных, «симметричных» насильственных конфликтов всё гораздо сложнее. Во-первых, они порождают большую мобилизацию, то есть в них так или иначе вовлекаются более широкие слои населения. Там, где вооруженные столкновения имеют более длительную продолжительность, это, в свою очередь, затрудняет проведение четкой разграничительной линии между «виновными» и «жертвами», поскольку человек может чередовать эти две роли в зависимости от конфликтной ситуации и отношений власти. Наконец, трудно довести конфликты, подобные гражданской войне, до окончательного завершения. Если те, кто совершил серьезные нарушения прав человека во время боевых действий, столкнут-

ся с угрозой уголовного преследования после их прекращения, то в случае сомнений они предпочтут продолжить боевые действия. И если они будут амнистированы, то злоупотребление насилием останется, по-видимому, безнаказанным, а отсюда появляется риск того, что насилие вспыхнет снова при первой же возможности. Ороско Абад резюмирует дилемму, стоящую перед ответственными государственными деятелями и миротворцами в гражданских войнах или ситуациях, подобных гражданской войне, с точки зрения необходимости осуществления двойного перехода. Дилемма состоит в том, что требуется достичь мира, с одной стороны, а с другой — осуществить переход от состояния беззакония и авторитаризма к демократии под верховенством закона. Во всяком случае, исследования Ороско Абад показывают, что динамику насилия, исходящую из горизонтальных конфликтных констелляций, характерных для Колумбии, гораздо труднее контролировать и «обуздывать», чем асимметричные, вертикальные «варварства».

Третьим комплексом причин, которые в последнее время привели к эскалации насилия и способствовали укреплению культуры насилия, является торговля наркотиками. Большинство экспертов сходятся во мнении, что производство наркотиков и торговля ими разрушили давнюю связь между насилием и партийной политикой, что привело к ситуации, когда насилие проникло во все сферы жизни как средство власти и принуждения (см., напр.: Pécaut 2001; Kurtenbach 1999). Иными словами, торговля наркотиками превратила насилие в нечто обычное и банальное. Это произошло по целому ряду причин, в том числе и потому, что такой редкий, желанный товар, как кокаин, неизбежно провоцирует конкуренцию за его обладание, и потому, что прибыль, которую приносит эта доходная торговля, делает его привлекательным для молодых людей, которые очевидно предпочитают легкую работу с оружием монотонной, плохо оплачиваемой работе в каком-либо другой сфере. Вероятно, наиболее важной структурной причиной насилия является также отсутствие обязательных неформальных правил, регулирующих отношения между ведущими фигурами в торговле наркотиками, вследствие чего нет никакой основы для взаимного доверия. Это вынуждает каждого наркобарона создавать свою частную армию в качестве потенциальной угрозы конкурентам для обеспечения соблюдения соглашений.

Можно также сказать и о четвертом возможном комплексе причин насилия и существования культуры насилия в Колумбии. Это заметная

⁴Последующие комментарии относятся главным образом к первой главе книги «La Barbarie Horizontale» (pp. 26–115).

сохраняющаяся напряженность между бедными и богатыми в сочетании с недостаточно развитым средним классом и городской культурой среднего класса. При этом мы исходим из того, что в целом — и особенно в сельских районах, где государство практически отсутствует, — как крупных землевладельцев, так и мелких фермеров и сельскохозяйственных рабочих разделяет преимущественно инструментальное, прагматическое понимание насилия. Аграрная история Колумбии была свидетелем многочисленных жестоких столкновений между этими классами и внутри них. В Латинской Америке вообще последовательное осуждение насилия и его изгнание из общественной жизни не происходило до тех пор, пока не начались активные урбанизационные процессы. В городах в этом был заинтересован прежде всего средний класс, который в силу своих специфических ресурсов (в основном он доминировал в сфере образования и обладал профессиональными знаниями, но имел мало опыта в деле применения физической силы), особенностей социализации и общей ориентации проявлял наибольшую заинтересованность в возникновении ненасильственных пространств, управляемых верховенством закона. Есть основание полагать, что в Колумбии эта своего рода подлинно городская атмосфера, которая оттесняет насилие на задворки, возникла на относительно поздней стадии и никогда не доминировала в полной мере. Есть много свидетельств о развитии искусства и культуры в крупных городах страны, от фактов создания впечатляющих произведений архитектуры до процветающей издательской индустрии и многочисленных университетов, среди которых немало очень высокого уровня. Однако складывается впечатление, что многие низшие слои мигрантов из сельской местности вписались в процесс урбанизации только наполовину и что их менталитет, — впрочем, это также относится к другим слоям, — в некоторых важных отношениях остался сельским и местечковым. Классовая борьба в городе все еще ведется в грубой, физической манере, и вряд ли можно говорить о ее переходе в более символическую плоскость. В Колумбии до сих пор не существует собственно городской политической партии среднего класса. Традиционные партии, зародившиеся преимущественно в сельской местности, вместе со своими клиентелистскими придатками все еще играют важную роль в жизни страны.

Процесс урбанизации, который страна пережила во второй половине XX в., фактически не подавил насилие как средство разрешения

конфликтов, а лишь изменил его внешний вид. Оно больше не проявляется открыто в городах и не используется явно как средство господства и силы. Никто в центральных районах больших городов не оспаривает права государства и местных властей на поддержание общественного спокойствия и общего порядка. Однако жестокие интриги все еще тайно плетутся в задних комнатах особняков. В городах людей убивают или похищают ежедневно, в то время как на окраинах городской периферии закон джунглей господствует по-прежнему. Насилие стало более анонимным и избирательным, но стало ли его меньше в ходе процесса урбанизации и модернизации — это открытый вопрос, на который, вероятно, следует ответить отрицательно.

В своей статье мы старались показать, что масштабы насилия в Колумбии невозможно понять без признания факта существования культуры насилия, выражающейся в высоком уровне убийств, существовании институционализированных субъектов насилия, распространенности определенных норм, таких как мачизм и вендетта, и из-за отсутствия иных норм, табу и запретительных правил. Вездесущность насилия невозможна, если только склонность к насилию не закреплена в социокультурном плане. В этом отношении гипотеза о существовании культуры насилия в Колумбии кажется нам вполне обоснованной, а наличие данной культуры может рассматриваться как один из причинных факторов нынешней ситуации в стране. Тем не менее это не означает, что в поисках объяснений нужно ограничиться только культурой. Ибо сама культура определяется историческими и экономическими факторами: отсутствием государственной монополии на насилие, доминированием горизонтальных осей конфликта, торговлей наркотиками (что создает серьезные экономические стимулы для чрезмерного применения насилия) и классовой структурой колумбийского общества, которая характеризуется серьезной напряженностью в сочетании со слабо развитым городским средним классом. В этом отношении культура насилия, в свою очередь, является лишь зависимой переменной, требующей объяснения. Причина и следствие взаимодействуют и переплетаются. Поскольку реальная практика насилия формирует социальные ожидания в отношении поведения субъектов, влияет на определение цены и риска и т. д., она задает и культурные параметры. И в такой культурной среде насилие, скорее всего, будет применяться и дальше.

References

- Albrecht, G. (2003) Sociological approaches to individual violence and their empirical evaluation. In: W. Heitmeyer, J. Hagan (eds.). *International handbook of violence research*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., pp. 611–656. DOI: 10.1007/978-0-306-48039-3 (In English)
- Kühnel, W. (2003) Groups, gangs and violence. In: W. Heitmeyer, J. Hagan (eds.). *International handbook of violence research*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., pp. 1167–1180. DOI: 10.1007/978-0-306-48039-3 (In English)
- Kurtenbach, S. (1999) Kolumbien: politische Gewaltkultur, der Staat und die Suche nach Frieden. *Ibero-amerikanisches Archiv*, vol. 25, no. 3/4, S. 375–396. (In German)
- Orozco Abad, I. (2005) *Sobre los límites de la conciencia humanitaria: dilemas de la Paz y la justicia en América Latina [On the limits of humanitarian awareness: Dilemmas of peace and justice in Latin America]*. Bogotá: Universidad de Los Andes: Editorial Temis, 375 p. (In Spanish)
- Parsons, T. (1951) *The social system*. London: Tavistock Publ., 600 p. (In English)
- Pécaut, D. (1987) *L'Ordre et la violence: évolution socio-politique de la Colombie entre 1930 et 1953*. Paris: Editions de l'Ecole des Hautes Études en Sciences Sociales, 486 p. (In French)
- Pécaut, D. (2001) *Guerra contra la Sociedad [War on society]*. Bogotá: Editorial Planeta Colombia, 308 p. (In Spanish)
- Prieto Osorno, A. (1993) *Die Mörder von Medellín. Todeskult und Drogenhandel*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 156 s. (In German)
- Richani, N. (1997) The political economy of violence: The war-system in Colombia. *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*, vol. 39, no. 2, pp. 37–81. (In English)
- Rubio, M. (1999) *Crimen e impunidad: precisiones sobre la Violencia [Crime and impunity: Concepts on violence]*. Bogotá: Tercer Mundo, 269 p. (In Spanish)
- Sánchez, G. (2001) Introduction: Problems of violence, prospects for peace. In: C. W. Bergquist, R. Peñaranda, G. G. Sánchez (eds.). *Violence in Colombia 1990–2000: Waging war and negotiating peace*. Wilmington: Scolary Resources Books, pp. 1–38. (In English)
- Sánchez, G. (2003) *Guerras, memoria e historia [Wars, memory and history]*. Bogotá: Instituto Colombiano de Antropología e Historia Publ., 129 p. (In Spanish)
- Sánchez, G., Meertens, D. (1983) *Bandoleros, gamonales y campesinos: el caso de la violencia en Colombia [Bandits, landowners and peasants: The case of violence in Colombia]*. Bogotá: El Áncora Editores, 255 p. (In Spanish)
- Sánchez, G., Alvarez, C. (eds.) (2004) *Fundacion Seguridad y Democracia. Coyuntura de Seguridad, Informe especial [Foundation for security and democracy. Security situation, Special Report]*. No. 5. Bogotá: Colombia, 512 p. (In Spanish)
- Uribe, M. V. (1992) *Limpiar la tierra: Guerra y poder entre esmeralderos [Clean the Earth: War and power between emeralds]*. Bogotá: CINEP Publ., 150 p. (In Spanish)
- Uribe, M. V. (2004) *Anthropologie de l'Inhumanité: Essai sur la terreur en Colombie*. Paris: Calmann-Lévy, 176 p. (In French)
- Uribe, M. V., Vásquez, T. (1995) *Enterrar y callar: las Masacres en Colombia, 1980–1993 [Bury and silence: The massacres in Colombia 1980–1993]: In 2 vols*. Bogotá: Comité Permanente por la Defensa de los Derechos Humanos. (In Spanish)

Сведения об авторе

Алексей Иванович Донченко, e-mail: alexdon@mail.ru

Доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета

Author

Alexey I. Donchenko, e-mail: alexdon@mail.ru

Doctor of Sciences (Cultural Studies), Professor; Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Blagoveshchensk State Pedagogical University